

Неся в народ свое искусство

Исполнилось сто лет со дня рождения Элисабед Черкезишвили, прославленной представительницы плеяды великих мастеров грузинского театра. Советскому зрителю дорог яркий, самобытный талант актрисы, ее светлое, жизнеутверждающее искусство, согретое искрившимся народным юмором.

Беззаветное служение театру, уверенность в его высоком назначении до последних дней жизни актриса сочетала с активной общественной деятельностью.

Сегодня в театре имени Марджанишвили состоится вечер, посвященный памяти Э. Черкезишвили.

Ниже мы печатаем одну из страничек воспоминаний о замечательной актрисе.

Черкезишвили активно сотрудничала в прессе.

В 1941 году под редакцией поэта-академика И. Гришашвили, вместе с воспоминаниями актрисы были изданы ее рассказы, статьи и комедия «Шестидесятилетний обольститель», острая сатирическая направленность которой высоко была оценена классиком грузинской литературы Г. Церетели.

С тех далеких дней, когда мы, четверо питомцев театрального института: Гоги Гегечкори, Саломе Канцели, Бицико Андроникашвили и автор этих строк, готовя старинный водевиль Р. Эристави «Сначала скончались, а потом обвенчались», репетировали на дому у Элисабед Черкезишвили — прославленной исполнительницы главной роли — прошло двадцать лет.

Многое позабылось, стерлись подробности, но вместе с тем стало очевидным многое из того, над чем в те дни мы не задумывались. Теперь нам ясно, почему мы тогда

оказались партнерами такой актрисы, как Элисабед Черкезишвили.

Конечно, мы и тогда понимали, что столь высокая честь — результат сердечного расположения к молодежи нашей «бебо Лизы», внучка которой Е. Вачнадзе училась с нами. А нас притягивал к себе талант, неизмеримый обычной пятибалльной системой. Но полностью мы уяснили себе все лишь впоследствии.

Вся жизнь этого удивительного человека прошла под знаком всепоглощающей любви к родному краю, к его природе, людям. В дни войны ей

особенно хотелось осуществить давнишнюю мечту: после многих лет посетить родную деревню. Мы с превеликим удовольствием откликнулись на ее предложение. В качестве режиссера «гастрольной труппы» Черкезишвили привлекла нашего педагога Г. Товстоногова. Труппа была укомплектована, репертуар подобран и, мы начали готовиться.

Трудно коротко описать радостную встречу с великой актрисой в родном селе Кошка наши спектакли, которые играли мы во всех соседних деревнях, и тот подъем, что сопутствовал нам повсюду. Помнится, как односельчане преподнесли своей прославленной землячке огромного петуха. Он каждое утро будил нас, громко кукарекая, и мы тайне лелеяли мысль отправить его, наконец, в котел. Но бабушка Лиза была неумолима и отрез отказывалась резать пернатого крикуна. «Не хочет расставаться с подарком», — думали мы тогда, ведь она очень гордилась им. И все же не в подарке было дело — догадываемся мы теперь. Петух был нужен, чтобы будоражить

нас, а ей он просто напоминание о наступлении дня, который без остатка должен был быть отдан труду, творчеству.

Помнится, после первой же застольной чтки, указывая на Черкезишвили, Товстоногов сказал нам:

— Вот вам ярчайший пример подлинной «жизни человеческого духа» по всем законам системы Станиславского.

И действительно, актриса изумляла нас легкостью и точностью, с которой выполняла любую сценическую задачу. И только впоследствии мы поняли, почему в хмурые годы войны она так тянулась в родное село, везла туда специально подготовленный веселый спектакль. Нет, не к кумовьям на побывку ехала она, не к близким родственникам, которых, кстати, уже и не было там. Повинуясь голосу сердца, она привезла в родное село не гоштинцы и пряники, а самое дорогое, что было у нее — свое искусство. Это и было, говоря словами Станиславского, ее гражданской, главной, «сверх — сверхзадачей».

М. ГИЖИМКРЕЛИ.